

НИКТО, КРОМЕ НАС! РОССИЙСКИЙ СПЕЦНАЗ!

« ГРУППА ★ АНТИТЕРРОР » СПЕЦНАЗ

Александр АФАНАСЬЕВ

БРАТИШКИ

Александр Афанасьев
Братишки
Серия «Спецназ. Группа Антитеррор»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17086704
Афанасьев, Александр. Братишки: Эксмо; Москва; 2016
ISBN 978-5-699-85877-4

Аннотация

Дон и Садык, бойцы спецназа, когда-то вместе служили в Афганистане. После дембеля их пути-дороги разошлись. Дон стал авторитетным бандитом в Донецке, а Садык осел в Ростовской области, купил развалившийся совхоз и занялся сыроварением. И тут неожиданно к Садыку с просьбой о встрече обращается Дон – он влип в какую-то нехорошую историю, и его обвиняют в убийстве. Садык достал припрятанное оружие и пересек границу с Украиной. Но не в том месте, где друзья условились. Что-то в этой истории Садыку не понравилось. И интуиция его не подвела...

Содержание

Ростовская область	7
Далекое прошлое	22
Ростовская область	36
Украина	48
Год спустя	53
Донецкий терминатор	65
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Александр Афанасьев

Братишки

Друг – это тот, с кем ты будешь перевозить мебель.

Друг – это тот, с кем ты будешь перевозить труп.

Брат – это тот, с кем ты будешь этот труп делать.

Наблюдение автора

© Афанасьев А., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2016

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ОСНОВ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ УКРАИНЫ

СТАТЬЯ 112. Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля

Посягательство на жизнь Президента Украины, Председателя Верховной Рады Украины, народного депутата Украины, Премьер-министра Украины, члена Кабинета Министров Украины, Председателя или судьи конституционных Суда Украины или Верховного Суда Украины или высших специализированных

судов Украины, Генерального прокурора Украины, Уполномоченного Верховной Рады Украины по правам человека, Председателя Счетной палаты, Председателя Национального банка Украины, руководителя политической партии, совершенное в связи с их государственной или общественной деятельностью, —
наказывается лишением свободы на срок от десяти до пятнадцати лет или пожизненным лишением свободы.

СТАТЬЯ 109. Действия, направленные на насильственное изменение или свержение конституционного строя или на захват государственной власти

1. Действия, совершенные с целью насильственного изменения или свержения конституционного строя или захвата государственной власти, а также заговор о совершении таких действий —

наказываются лишением свободы на срок от пяти до десяти лет.

2. Публичные призывы к насильственному изменению или свержению конституционного строя или к захвату государственной власти, а также распространение материалов с призывами к совершению таких действий —

наказываются ограничением свободы на срок до

трех лет или лишением свободы на тот же срок.

3. Действия, предусмотренные частью второй настоящей статьи, совершенные лицом, которое является представителем власти, или повторно, или организованной группой, или с использованием средств массовой информации, —

наказываются ограничением свободы на срок до пяти лет или лишением свободы на тот же срок.

Ростовская область Пограничная зона, граница с Украиной 19 сентября 2000 года

Правильный пацан признает только два джипа во всем мире...

Поджарый и широкий.

Поджарый – это «Мицубиши Паджеро», японский внедорожник, трех- или пятидверный, с трехлитровым дизелем или трех с половиной литровым бензиновым мотором за двести сил. Короткий – это не понтово, его в основном покупают те, кто катается на всяких покатушках, в карьерах типа. Нужен длинный. В него помещается до семи братанов, если кому-то не запахло ехать на откидных в багажнике. Он почти никогда не ломается – Япония как-никак, не фуфло. Он выдерживает российские дороги и российский бензин – японцы много лет гонялись на Дакаре, неоднократно его выигрывали. Он способен пролезть почти везде, особенно его новая версия – в ней полный привод можно подключать на ходу. Короче, ништяк машина...

Но широкий еще круче.

Джип «Гранд Чероки», американский внедорожник, став-

ший одним из символов братвы. Угловатый – и в то же время прилизанный, с очень комфортным, типично американским салоном в коже, электрикой по кругу и все дела там – его крайняя версия, представленная в год дефолта, девяносто восьмом, – в ней мотор объемом пять и девять десятых литра, когда жмешь на газ – тачка конкретно прыгает вперед, даже подруливать приходится, чтобы не занесло. У нас в Ростове таких пока только три, один из них притащил в город Жора Туз, вот на нем мне и удалось покататься. Было это незадолго до того, как Жора Туз героически погиб в одной из разборок с пиковой мастью. Чеченцами, чеченцами, чехи совсем оборзели, правильно их сейчас долбают. Клевая, конечно, тачила...

Но у меня не было ни поджарого, ни широкого...

Я сидел в джипе, который назывался «Ниссан Террано II». Два – это потому что один уже есть, этакий непримечательный японский джипчик. А этот – выпускается в Европе, в Испании, кажется. Ничего так тачила – пять дверей, подключаемый полный, двигун сил под сто пятьдесят. Но – беспонт.

Впрочем, мне не до понтов. Я его купил для того, чтобы гонять в свой совхоз. Так-то у меня «семера» «БМВ» старая, из Германии пригнал, тачила вполне даже козырная, и бить ее на дорогах глубинки мне совсем, как говорится, не в масть...

Откуда у меня свой совхоз? Ну... получилось так. Кризис. Мы снимали дань с одного коммерса – тот конкретно

прикинутый был. Но тут – кризис, дефолт. Накрылись банки – «Инком» накрылся, накрылся «СБС-Агро» Смоленского, а сам Смоленский, которого в узких кругах поминали как «баба Шура», дернул за кордон, гнида. Вот и наш коммерс – бабло у него зависло, он собрал все что мог, семью в охапку и дернул из страны. А бизнес – включавший в себя землю, собранную из колхозных паев, бывший совхоз-миллионер с кирпичным заводиком, мясопереработкой, молокопереработкой, двумя тысячами душ – он просто кинул на произвол судьбы, отжав все, что только возможно. Обычное дело.

А я в тот год как раз начал задумываться. Мне уже громыхнул тридцатник, после этой даты быть «пацаном» как-то уже неприлично. Я сумел выжить во всех говнотерках крайнего периода нашей новейшей истории. И в меня стреляли, и я стрелял, приходилось убивать – просто ради того, чтобы выжить. Но все когда-то заканчивается, верно? Если боженька довел меня до тридцати с гаком целым и невредимым, а до этого – он целым и невредимым провел меня по Афгану, по Джелалабаду – значит, он что-то хотел мне этим сказать, верно? Многих из моих корешей – того же Туза – не было в живых. В братстве – афганском нашем братстве – на меня смотрели, и смотрели нехорошо, хоть и не говорили ничего, но смотрели, а молчание порой – страшнее любых слов. Да и... побывал я на месте, посмотрел на людей, разом оказавшихся без работы, без денег, без всего. Посмотрел им в глаза

– и подумал, что к недоброму идем. Черпаем, черпаем... а ведь уже по дну скребем...

А что будет, когда выскребем?

Короче, решил я тогда завязывать. Деньги у меня были какие-никакие, благо – в долларах и в наличной форме, а доллар тогда ровно в четыре раза подскочил. С банком тоже были какие-то непонятки, но мне удалось договориться. Вместо мертвого и никому не нужного залога – живые деньги, да еще баксы. Короче, выкупил я все, съездил туда, собрал людей. Сказал, что я теперь старший и будем работать. Еще сказал, что афганец и на произвол судьбы их не брошу. Так вот и начали работать. Сначала трудно было – этот придурок в лучших традициях российского капитализма вынул из бизнеса все деньги, какие там были. Сейчас – стало легче. Все-таки товар востребованный – люди каждый день кушают.

Братва к моему поступку отнеслась по-разному. Все-таки авторитет я наработал какой-никакой. Многие с пониманием. Кто-то открыто говорил, что мне надо определиться конкретно, кто я по жизни, коммерс или братан. И если коммерс – то должен платить. А вот Иван Александрович, глава нашего местного союза афганцев, впервые за много лет пожал мне руку. Возможно, и поэтому, хоть и буровили тут некоторые... типажи, но конкретно на сходку вопрос по мне не выносили. Понимали, что придется иметь дело не только лично со мной, но и со всем афганским братством. А люди в нем непростые. Особенно у нас в Ростове.

Короче говоря, жизнь бьет ключом, и все больше по башке...

Я стою на заправке у самой границы. Дальше по трассе – Украина и шахтерский край – Донецк. Место конкретное... могила. Многих уже нет в живых, такого беспредела, как в Донецке, у нас не было. Конкретная мафия там появилась еще в конце восьмидесятых, когда передовой отряд рабочего класса – шахтеры – полюбили стучать касками по мостовой. Они придумали делать это первыми, и в попытке задобрить такую организованную силу – правительство начало направлять в шахтерские регионы товары народного потребления, которые закупались за валюту. Все, начиная от женских колготок и заканчивая телевизорами «Шарп» и автомобилями «Тойота». Шахтеры тогда получали конкретно, зарплата в забое нередко превышала тысячу рублей, при том что за несколько тысяч можно было уже взять кооперативную квартиру. Так что бабки у них были. И они быстро сообразили, что чем больше ты стучишь, тем больше приедет в область ништяков. А потом – не стало Союза, но по первым годам изменений было мало. Уголь был экспортным товаром, за него платили валютой, это был один из тех немногих товаров, которые советская и постсоветская экономика могли предложить миру, не стыдясь. А деловые тогда на шахты конкретно еще не присели, в основном все шло по инерции, директор шахты в какой-то степени был и ее хозяином. И чтобы не иметь проблем с трудовым коллективом, он опять-таки

покупал на какую-то часть инвалютной выручки импортного ширпотреба и привозил в страну. Так что склады шахт в то время были ой какими богатыми. И около них – ох, много всякого народа крутилось...

В числе прочих был и мой кореш Жека. Кореш не по движению – по армии еще. Пятнадцатая бригада спецназа, Джебалабад, Хост... Афган, короче. Самые страшные годы, перед выводом, когда духи поняли, что побеждают. В отряде он был известен как Жека, или Дон, а вернувшись на Донбасс, приобрел кликуху Жека Десантник. Или «братан Десантник». Все потому, что спецназа официально не существовало, у нас даже в военниках было написано – ВДВ, а во время мероприятий в бригаде мы носили десантную форму и голубые береты. Дембельнувшись, мы сохранили старые связи, я вернулся в свой Ростов, он – в свой Донецк. Оба пошли по одному и тому же пути, когда все валиться стало, – в братву. Оба выжили во всех говнотерках, там где выжить было практически невозможно. Понятно, что держались друг за друга – иначе не выжить. Мы с ним еще в девяносто втором договорились, что если одному из нас жить станет совсем не весело, то другой примет его у себя в стране. Благо Россия и Украина – теперь разные государства... хотя какие, к чертям, разные. Это даже не смешно...

И вот – Дон мне позвонил.

Это было сутки назад. Я как раз был «в хозяйстве», как я это говорил, – закончив с делами, пошел к Наташе. Наташа

– местная учительница, закончила пед в Ростове и все-таки вернулась в свой район, в свое родное село. Что у нас было? Да сам не знаю ни хрена, что у нас было и есть и будет. Постель, конечно, куда без нее? Но и не только. Тридцать лет, тридцать с хвостиком уже – сколько можно? А Наташа... я не знаю, иногда я... не знаю, короче. Я не представляю, как можно меня любить. Я ведь не подарок, если честно. А она меня любит. Я гляжу в ее глаза, серые и честные, и понимаю, что она меня по-настоящему любит. Не за то, что у меня есть деньги, джип, авторитет. А просто – меня. И такого, какой я есть. Это для меня дико и... страшно. Страшно потому, что я могу причинить ей боль. Потому, что я не знаю, чем отвечать на ее любовь. Не знаю...

Местные, кстати, когда я с Наташкой сошелся, перестали меня дичиться, решили, что раз, мол, барин себе тут бабу нашел – значит, точно свой и не денется никуда. Но мне на это глубоко плевать было.

Короче, я подрулил к панелькам, а она меня ждала на балкончике. Я много раз предлагал ей дом выстроить, но она отказывалась, так и жила в этих панельках. А панельки – колхоз-то миллионер был, вот, в последние годы жизни строил почти что городское жилье. Сейчас многие в Ростов подались, квартиры пустовали – вот и выделили вернувшейся из города учительнице скромную однушку. Теперь в ней жил и я, когда оставался на ночь. Хотел тут коттедж построить, да так ведь и не построил. Зачем? И деньги на развитие нужны.

А жить где? Да тут пока и перекантуюсь...

Цветов у меня не было. Зато была целая головка сыра. Моего сыра. Голландского. Первой партии. Сыра, который созрел на сыроварне, которую мы запустили, – сыроварни тут не было и в советские времена. А теперь будет. Все теперь тут будет...

Я достал головку – она была килограммов шесть, в воске, тяжелая... *моя* – и поднял ее над головой жестом мужчины, возвращающегося домой с добычей. Она засмеялась и показала большой палец... что-то съедим, остальное соседям раздаст – Наташка добрая, а время нынче несытое. И тут зазвонил телефон.

Мобила.

Мобила у меня была еще старая. «Моторола». Кирпичиком, с антенной, которую надо доставать, и откидной крышечкой. Когда звонила мобила – ты не спеша доставал ее, вытягивал антенну, откидывал крышечку и говорил: «Аллё». И все это было с большим понтом. В последнее время мобилы стали дешевле, да и «Моторолы» все больше менялись на финские «Нокии», без крышечки и с постоянной антенной, которую не надо выдвигать. Но у меня была старая «Моторола», и я никак не мог ее сменить...

Телефон зазвонил, я положил головку сыра на крышу, достал телефон и сказал «Аллё». На той стороне был Дон.

– Аллё.

– Витя! Витек, ты?

– Алле, Жека? – обрадовался я. – Как сам?

– Нормуль, братан... – но по голосу было слышно, что совсем не нормуль. – Слуш, у тебя время есть?

– Для тебя сколько угодно...

– Слышь, тогда заberi меня, а? Как договорились, помнишь?

Я понял, что что-то произошло.

– Где? На Успенке?

Так назывался пропускной пункт на одной из ведущих в Россию дорог. Обычно им и пользовались, когда шли на Ростов.

– Не. Кумачово – знаешь?

– Ага.

– Вот туда можешь подъехать?

– Нет проблем.

– Спасибо, брат. Должен буду.

– Что произошло?

– Не по телефону.

Я окончательно убедился, что что-то все-таки произошло...

– Отбой. Буду.

Степь да степь кругом...

Вспомнилось. Это Дон любил петь. Он пел это и тогда, когда нас прижали на той стороне границы. В Пакистане, в зоне племен. Где советских солдат не должно было быть по определению, но мы там были. Нас было двое, у меня была

снайперская винтовка и что-то около полтинника патронов – и у Жеки автомат и несколько магазинов к нему.

Но мы все же выскочили.

– Витя!

Крик Наташи вырвал меня из воспоминаний, из вкуса крови во рту и щелкающих по камням пуль...

Я подошел к скамейке и положил на нее головку сыра. Показал – забери. Потом сел в машину и тронулся в дорогу...

Арсенал у меня был солидный...

В Ростове никогда не было проблемы достать оружие, все-таки Ростов-папа, колыбель бандитизма. А когда в Чечне началось – оно и вовсе хлынуло сплошным потоком, были бы деньги. Часть этого потока я отвел на себя, вложился и сделал несколько нычек. Зачем? А затем, что земля круглая, а жизнь трудная. И то и другое – аксиома.

У меня был гараж... не у меня, конечно, на другое имя куплен, причем на имя погибшего братка, но все равно теперь он был моим. Я оставил машину за поворотом, зажег свет, спустился вниз и взял лопату. Через десять минут напряженной работы необходимое было передо мной. Автомат «АКС-74 Н» с подстволом, два пистолета «ТТ» с глушителями (китаёза глухой, как их называли) и карабин «Беркут-2». Последний – под патрон и магазин «СВД», но в отличие от «СВД» он делится на две части, удобно хранить и переносить. Тульский он, кажется. И до пятисот метров работает

только так. Глушак к ней есть тоже – местный умелец сделал и нарез на стволе нарезал. Ко всему есть патроны, а к автомату – еще и лифчик, похожий на китайский, с какими мы ходили в Афгане. И рюкзак есть, в нем удобно снайперку держать...

Зачем так много? Это не много, у меня в другой нычке лежит «ПК». У чеченцев по случаю купил. А это – как раз на двоих, меня и Дона.

Короче, если Дон не забыл, с какой стороны держать автомат, – прорвемся. Ему «калаш», у него точно такой же в Афгане был, а мне – снайперку. Я и в Афгане снайпером был. Едва ли не единственным сержантом-снайпером, снайперами у нас в основном прапора были. Или офицеры. Тут сыграло свою роль то, что я с детства стрельбой занимался, даже в школу олимпийского резерва был записан.

Интересно, с кем Дон так зацепился, что теперь ему валить надо? За колхозными делами – коровами и сыроварней (а для сыра молоко особого качества нужно, без антибиотиков и чтобы белка много было) – я как-то потерял взгляд на движение. В середине девяностых на Донбассе шла страшная война, резались Грек и Кушнир. Погибли и тот и другой, Алика Грека вообще взорвали на стадионе во время футбольного матча – беспредел полный. Кушнира потом прибили – большинство из донецких, что с той, что с другой стороны войну не пережили. Победителями, насколько мне помнится, вышли Люксы. Группировка Люкс, ее так звали по ме-

стоположению штаб-квартиры. Комплекс Люкс в Донецком ботаническом саду, его построили перед распадом СССР к приезду в регион Горбачева как элитную правительственную резиденцию. Потом Украина стала самостийной, а элитный комплекс стал переходить из рук в руки: кто держал Донецк, тот там и жил. Люксы, конечно, люди крутые, без вопросов. Но мне как-то до этого... Во-первых – были и есть общие дела по водяре, с тех пор как закрыли грузинский транзит левого спирта, остался канал через Николаев, Донбасс и – к нам. И в Луганске, и в Донецке спиртзаводы работали на полную катушку, караваны шли в Россию. Во-вторых – у нас нет никаких пересечений по бизнесу, и я не претендую на кусок Люксов. Мне только братана моего забрать, сослуживца по Афгану, – и домой в Россию. А больше мне и не надо ничего...

Все заныкал в машину, подумал – оставить наверху «ТТ» или не оставить? Решил все же не оставлять, перед Украиной достану. У нас, кстати, новый президент – фамилия Путин. Бывший кагэбэшник, молодой. Многие верят, что теперь лучше будет, Ельцин всем надоел. А я ни во что не верю. Но и нарываться не спешу.

Основная трасса на Донецк идет севернее, но я ушел южнее, на районные разбитые дороги. По ним дошел до самой границы, я ее из машины вижу. Остановился, купил в поселковом магазине двенадцать полторашек минералки и пожрать. Забрался под низ и достал «тэтэшник». И стоял

сейчас. Чуть ниже Малоекатериновки. И ждал проводника. Степь да степь кругом, а на той стороне – Украина. И два села – Воровское и Широкое. Одно неподалеку от другого...

Почему я не пошел там, где сказал мне Жека? А потому что. В тот день, в Пакистане, мы пошли по тому пути, который был нам проложен. И наткнулись на банду. Мы только что ликвидировали одного из самых опасных религиозных авторитетов региона – Мулло Молада. Я его убрал. Одним выстрелом с семисот пятидесяти метров. А на отходе попали – потому что скорее всего кабульский ХАД, управление безопасности Афганистана, и его начальник подполковник Тарик, который готовил нам инфильтрацию и эксфильтрацию, не хотел, чтобы мы вернулись с этого задания живыми. Потому что подполковник Тарик хотел, чтобы мы убили Молада. Пока тот не подослал убийц самому подполковнику. И хотел переключить на себя и свою крышу потоки наркоты, которые текли из Пакистана. Но он не хотел, чтобы двое шурави вернулись живыми. Потому что они убили афганца, соплеменника. И для подполковника Тарика это было очень важно: тот, кто убил афганца, должен ответить за это, пусть это и шурави, советский. Потому что этого требует Пуштун-Валлай, кодекс чести пуштунов. И потому, что для подполковника его кровник, религиозный авторитет и заодно наркоторговец Молад был ближе и роднее, чем мы, советские коммунисты, пришедшие помочь его родине выбраться из отсталого средневековья. Они не хотели выбираться из

отсталого средневековья. Оно их вполне даже устраивало...

Надо сказать, я теперь лучше понимаю афганцев, намного лучше. Зря туда мы полезли – да сделанного не воротишь.

Жарко. Совсем не по-осеннему жарко. Бабье лето...

С другой стороны машины постучали, я разблокировал, а руку положил на «ТТ».

– Открыто.

Открыв дверь, в машину забрался то ли парень, то ли девчонка. Потом понял – девчонка. Этакий Гаврош – короткая стрижка, замурзанная, в джинсовом костюме, который был ей явно мал. Красивые зеленые глаза – по ним и определил, что девчонка.

– Привет.

– Привет... – сказал я, отметив, что она совсем меня не боится.

– Тебе туда?

– Ага.

– Я от Игната.

Ясно. Игнат – местный контрабандист. Он к братанским делам как бы боком, по-другому зарабатывает. Но братва его уважает – а он держит нейтралитет и обеспечивает переход через границу всем, кто этого пожелает, и всем, кто заплатит. Не считая контрабандистов, услугами Игната пользуется всякая шушера, которой надо слинять, – людям моего уровня лиять в Украину уже несолидно, мой уровень – это Испания или Германия. Еще много переходит тех, кто от армии

КОСИТ...

– А зовут тебя как?

– Не все равно?

– Нет, не всё.

– Инга. Инга Шмидт.

– Необычная фамилия.

– Я немка. У меня предки – донбасские немцы.

Я не удивился. В свое время российское правительство активно заселяло юг страны, давало дотации. Поэтому кого у нас на юге только нет. Есть немцы. Есть евреи. Есть греки. Есть сербы. Есть украинцы...

– Витя меня зовут. Давай показывай, куда рулить...

Далекое прошлое Пакистан. Зона племен 1988 год

Наш путь не отмечен.

Нам нечем...

Нам – нечем!

Но помните нас...

Владимир Высоцкий

На таком расстоянии бой был совсем не страшным...

Противник – это не более чем фигурки в прицеле. Ма-а-аленькие такие. Примерно с ноготь. Они не стараются долго удержаться в поле твоего зрения, они всё прекрасно понимают. Это не обдолбанные анашой моджахеды, которые прут напролом в надежде получить одно из двух – победу или шахаду. Это опытное племенное ополчение, поднятое по тревоге, чтобы найти двоих кяфиров, двоих шурави, которые забрели на неправильную сторону границы и оказались совсем не теми, за кого себя выдавали. И пролили кровь на земле пуштунов. И пусть люди, кровь которых они пролили, были не лучшими людьми под этим небом, но они были гостями, и пуштуны обязаны были защищать их даже ценой собственной жизни, если потребуется. Потому что этого требует Пуштун-Валлай, кодекс чести пуштуна. Гость неприкос-

новенен. И если гость все же убит, только кровь его убийц может смыть нанесенное оскорбление...

Но это все ерунда. Фигня полная. Красивые слова, призванные скрыть неприглядную правду: начальник станции ЦРУ в Пешаваре, разъяренный исключительно успешной акцией советской военной разведки в пакистанском приграничье, пообещал десять новеньких полноприводных пикапов «Тойота» тем, кто принесет ему голову тех, кто это сделал.

Что сделал?

Выстрел гулко пошел по ущелью, и один из людей в грубой мешковатой одежде с накинутым поверх плеч одеялом из некрашеной верблюжьей шерсти, сливающейся с цветом гор лучше, чем любая другая ткань мира, споткнулся, выронил винтовку, перевалился за спину – и застыл, остановившимся взглядом смотря в бездонное синее небо.

– Нет бога, кроме Аллаха... – пробормотал полевой командир моджахедов из группы непримиримых, сидя за огромным валуном и даже не пытаясь оттащить труп с открытого места. – наш друг Залмай теперь шахид инша'Аллагъ, и это высший успех. Да примет Аллах его шахаду, да повысит его степень и да введет в высшие пределы рая.

– Омен... – другие моджахеды синхронно провели ладонями по бороатым лицам, совершая ритуал вуду, сухого омовения.

Боевики, идущие по следу шурави вот уже несколько часов, не относились ни к местному племенному ополчению,

которое в Зоне племен заменяло и полицию, и армию, ни к одной из семи известных группировок моджахедов, ведущих борьбу с советской оккупацией Афганистана и известных в мире как «Пешавар-семь», пешаварская семерка. Это был отряд, сформированный из тех, кто прошел специальную религиозную подготовку в медресе, открытых при лагерях беженцев в Афганистане на средства короля Саудовской Аравии, и принял ваххабизм – совершенно чуждую афганцам крайне экстремистскую версию ислама, в которой другой мусульманин, исповедующий другую версию ислама, хуже неверного, и его надо немедленно убить. В знак того, что они прошли религиозную подготовку, они носили черные чалмы, тоже нетипичные для арабского мира – люди носят белые чалмы, чтобы уберечь голову от палящего солнца. Советские солдаты называли их «черные аисты», а сами себя они называли «талиб», что в переводе означает «студент медресе», а свою организацию – «Талибаном».

Один из моджахедов, сидящих за другим валуном, трижды, раз за разом выстрелил из снайперской винтовки NDM Драгунова китайского производства.

– Попал?

– Нет.

Ни один из моджахедов не тронулся с места.

– В чем дело? – спросил человек, сидящий вместе с моджахедами. Он был одет, как пуштун, – широкие брюки, теплая безрукавка, рубаха с длинным рукавом, чалма, отличал-

ся он только дорогими, очень ценными в этих местах ботинками армейского образца. Рядом с ним был человек в си-не-серой форме бригады коммандос с винтовкой G3 и рацией армейского образца на спине. На его загорелом лице красовались усы – неотъемлемый признак любого пакистанского армейского офицера, пожелание сбрить усы там воспринимается как тяжкое оскорбление. Мода на усы возникла потому, что пакистанские офицеры желали подражать британским и ощущать себя цивилизованными людьми, для которых не имеют значения запреты и слова из Корана: «сбривайте усы и позволяйте бороде расти»...

...

– Почему они не идут вперед. Почему вы не идете вперед?

Пакистанец коротко переговорил с амиром моджахедов.

– По этому ущелью есть только одна тропа. И до ее конца, где сидит кяфир, не дойдет ни один из нас. Мы подождем, пока кяфир не уйдет, и пойдем дальше за ним. А ночью будем атаковать. У нас хороший следопыт, и мы не потеряем его след. А до границы он не успеет дойти, да и на той стороне мы не будем чужими.

У американского инструктора – в отличие от своего пакистанского коллеги – взгляд на будущее был намного более мрачным. Русские могут выслать вертолет даже на пакистанскую сторону границы – один такой факт уже был. А как только они войдут в зону досягаемости обстрела с русских артиллерийских баз, будет еще хуже. Русские в последнее

время часто обстреливали приграничье, в том числе очень мощными ракетами, вместо вертолетных вылазок спецназа, которые стали слишком опасны из-за «стингеров».

– Надо идти вперед. Передайте ему – надо идти вперед.

– Это бесполезно, сэр. Люди из племен очень тупые, если им что-то втемяшится в голову, переубедить бесполезно. Они лучше знают, как тут действовать – это их горы, они в них живут и умирают...

Амир моджахедов еще что-то сказал.

– Что он сказал? Переводите!

– Он говорит, что русские хорошие воины, их непросто будет убить. Их учил стрелять один из пуштунов...

Несколькими днями ранее

Горы...

Почти весь север и восток Афганистана – это горы. Горы Афганистана становятся горами Пакистана, потому что почти никакой границы нет, если не считать редких погранзастав, солдаты на которых стараются ни во что не вмешиваться. Но разница все же есть...

Горы к югу – это сплошная цепь пыльных и мертвых холмов и ущелий, снова холмов и снова ущелий. Мертвые серые краски, разных оттенков бурый, желтый, серый, зелено-го почти нет. В выжигаемых горячими ветрами пустыни Регистан-горах не растет ничего и почти никто не живет. Даже отчаянный советский спецназ туда не заходит, а торгов-

цы ведут свои караваны раскаленной пустыней, потому что горы еще хуже...

Севернее, в Хосте, – горы уже другие. Они покрыты лесом, низкорослым хвойным лесом, и их жители неплохо зарабатывают, поставляя растопку в безлесые Джелалабад и Кабул. Поскольку горы не дают возможности вести полноценное наблюдение – они кишат моджахедами. Которые, в общем-то, представляют собой обычных крестьян, взявших в руки оружие, но не уходящих далеко от дома и вступающих в бой, только если советская или афганская армия начинает очередную операцию. Под условным контролем центрального правительства в Кабуле находится только центральный город – столица провинции Хост, дорога к нему перерезана моджахедами, все снабжение осуществляется по воздуху. Пятерок в уездах почти нет, а там, где и есть, они давно на стороне моджахедов. Особенно опасен Парачинарский выступ – он вдается в территорию Афганистана, и там лагеря подготовки моджахедов. Ситуация в провинции настолько плоха, что ожидается штурм объединенными силами моджахедов города Хост с целью его захвата, объявления его столицей Афганистана и формирования там альтернативного правительства. Вообще-то Хост – один из самых нищих и убогих городов, несколько улиц с жмушкими друг к другу примитивными домами в тени высоких гор – совсем не подходит для исполнения столичных функций. Это не Кабул, афганский перекресток миров с более чем миллионным населением.

ем. Но никого это особо волновать не будет. Война, жуткая и кровавая, движется к своему бесславному финалу, в Женеве заседает согласительная комиссия – и для большей весомости своих претензий афганским моджахедам вовсе не помешает отвоевать хоть одну провинцию и организовать там свое правительство...

В горы не суется даже спецназ, потому что организовать десантирование и эвакуацию очень сложно: поросшие растительностью высокие горы, отсутствие надежных аэродромов подскока, и Пакистан рядом – оттуда и ракету пустить могут. Получившие F16 пакистанские асы не раз хамили на нашей стороне границы. Но пройти все же можно было.

Так, на одной из троп, ведущих в Пакистан, – может быть, еще в Афганистане, а может, уже в Пакистане – шли двое. Выглядели они не лучшим образом: головного убора не было, советская военная форма – грязная и рваная. На одном были кеды с рваным носком, из которого торчал большой палец, на другом – десантные сапоги, старые, но пока целые. Оружия у них не было, только два небольших заплечных мешка.

Отставая на несколько шагов, шел третий. Этот был одет, как пуштун, в штаны, рубаху и безрукавку, на ногах – кожаные сандалии без задника, на плече – автомат. Он был усат и бородат, на голову ниже тех, кого он гнал, постоянно осматривался настороженно, а в руках у него был длинный, двухметровый пастушеский посох. За спиной был довольно боль-

шой рюкзак. Ему было лет сорок – хотя возраст горцев трудно определить с виду. В бороде проглядывала седина.

Навстречу им вышел отряд моджахедов... хотя вряд ли это можно было так назвать. Полтора десятка молодых моджахедов, которые стали моджахедами только для того, чтобы поддержать свои семьи в лагерях беженцев: если один из твоих детей или муж не моджахед, то тебе не будут давать гуманитарную помощь, а если кто-то из твоих погиб на джихаде против неверных, тебе будут платить небольшую, но пенсию. Так что это были молодые парни, которые только что получили свое первое оружие – китайские «АК» и «СКС» и шли, вероятно, в базовый лагерь для прохождения подготовки. Их вел более пожилой и опытный моджахед, у него была черная повязка на голове и не китайский, а советский «АКС-74», оружие, которое у моджахедов считалось элитным, его не каждому давали. Во-первых, дальность прямого выстрела на сто метров больше, во-вторых, боеприпасы в полтора раза легче, в-третьих, такие же автоматы у русских, и можно пополнить боезапас с убитых шурави, а не покупать на базаре. Этот моджахед тоже вряд ли был особо верующим – просто набрал себе джамаат, и теперь он уже амир и получать будет больше. Встретившись, оба отряда остановились...

– Ас саламу алейкум... – поприветствовали моджахеда встретившегося путника. – Да поможет тебе Аллах.

– Ва алейкум ас салам, – степенно ответил путник, по-

правляя на плече ремень старенького «АКМ», – и вам да поможет Аллах, и да приведет он в порядок дела ваши.

Пленные ничего не сказали, они просто тупо смотрели перед собой, радуясь выпавшей возможности немного отдохнуть.

– Как твое имя и куда ты держишь путь? – спросил командир моджахедов.

– Мое имя Юнус, – пояснил путник, – а моего отца зовут Пир-Али, мы из клана мани, племени африди. Я держу путь домой...

Командиру моджахедов что-то не нравилось, но он пока не мог понять, что именно. Племя африди действительно существовало, но они мало принимали участие в джихаде, будучи искусными оружейниками и торговцами. Говорили, что, по крайней мере, часть этого племени – не настоящие пуштуны, а потомки пришедших из Индии цыган. Впрочем, на базарах много что говорили.

– А этих ты за сколько купил? – командир моджахедов показал на пленных. – Продай их нам, нам носильщики нужны.

– Я их не купил, а получил как часть оплаты за товар, – сказал Юнус, – и гоню их домой. Я их не продам, потому что они мне нужнее. Я и мой сын давно ходим с караванами и почти не бываем дома, а нужно, чтобы кто-то ходил за овцами и помогал по хозяйству. У меня две отары овец, и отец слишком стар, чтобы их пасти, а нанимать дорого. Вот они и будут пасти.

Командир моджахедов почувствовал раздражение – перед ним был торговец, наживавшийся на войне и явно с военных доходов купивший аж две отары овец. Но их предупредили, что с местными связываться нельзя: того, кто убьет местного, будут судить по законам шариата. Потому что иначе пуштуны могут опять взбунтоваться и будет очень плохо.

– Эти... – презрительно сказал командир моджахедов. – Да с такими пастухами ты лишишься всех овец...

– Если они будут не нужны, я продам их амрикай. Они покупают пленных шурави и платят долларами.

– Ты говоришь, что ты торговец и ходишь с караванами. Тогда где твои ослы?

– Они остались с сыном в лагере, – пояснил торговец, – он ждет окончательного расчета за товар. Там опять нет денег...

– Мы ведем джихад на пути Аллаха, пока ты торгуешь. Мог бы и сделать свой амаль на этом угодном Аллаху пути.

– Я веду торговлю честно и плачу закят и саадаку, сколько положено. А что касается торговли – разве не сказано в шариате: честный, справедливый продавец в Судный день будет рядом с пророками, сиддикинами и шахидами?

Командир моджахедов понял, что дальше говорить о чем-то нет смысла.

– Аллаху Акбар. Смотри, чтобы твои пленные не разбежались по дороге. И пусть Аллах облегчит твой путь и щедро вознаградит твои усилия.

– И тебе Аллах пусть дарует победу и видеть унижение

неверных...

Когда моджахеды прошли, честный торговец Юнус негромко сказал на русском:

– Можно идти дальше...

Пройдя еще сколько-то по тропе, трое – честный торговец и двое пленных, которых он гнал к себе в селение, – устроились на ужин. У торговца в рюкзаке оказались котелок и мясо, что по меркам гор большая роскошь, мясо тут редкость и стоит дорого. Воды набрали в ближайшем горном ручье.

– Юнус...

...

– А зачем ты с нами?

Юнус помешал варево в котелке, смотря на звезды.

– Зачем это тебе, шурави? Ты мужчина, и я мужчина. У каждого из нас свой путь – и скоро они разойдутся...

– Я хочу понять, почему твой народ воюет против нас. Разве мы не дали вам землю, не освободили от власти феодалов?

Юнус покачал головой:

– Ты ничего не знаешь о нас, шурави. Давай... подставляй котелок. Мясо уже уварилось...

Мясо и в самом деле было вкусным. Какое-то время все сосредоточенно ели, потом Юнус, не доев свою порцию, отставил свой котелок и заговорил. В голосе его были боль и сдержанная ярость:

– Мой народ не воюет против вас, шурави. Ты не знаешь ничего о нас – а мы плохо знаем тебя. Аллах да простит нам наше невежество...

А с небосклона бесшумным дождем падали звезды. Падали куда-то вдаль, за зубчатые пики гор, стена которых почти слилась с накрывшим землю саваном ночи.

– Мой народ уже давно не имеет собственного государства, шурави. Он разделен надвое проклятой границей на протяжении вот уже трех поколений. Когда вы пришли на землю Афганистана, мы стали сражаться с вами, потому что так велел нам наш долг. Когда чужаки приходят в твой дом, надо сражаться...

– Мы пришли помочь народам Афганистана обрести свободу.

– Это не имеет значения. Вы неверные, и вы запрещали ислам. Я сражался с вами. Но со спины у нас тоже были враги. Проклятый уль-Хак, палач моего народа, сын свиньи и шакала, да покарает его Аллах огненным рвом. Он всегда ненавидел нас, пуштунов! Когда мы достаточно ослабли, когда многие из наших стали шахидами, он напал на нас, чтобы уничтожить. Его бандиты вырезали наши деревни, не щадили никого – ни женщин, ни стариков, ни детей. Но мы хорошие воины, шурави. За оружие взялись женщины, кто-то из мужчин вернулся с джихада – и эти проклятые шакалы начали терпеть одно поражение за другим. Ты видишь, где мы живем, шурави, – один хороший снайпер может остановить

роту. Каждое наше поселение – крепость. Когда он понял, что не сможет победить воинов африди, то он приказал бомбить нас бомбами, в которых был газ. Газ, от которого ртом и носом идет кровь. Когда его шакалы не смогли нас победить, он победил нас этим. Мало кто остался в живых – а тот, кто остался, претерпевает великие унижения. После того, что произошло, большая часть пуштунов отказалась воевать против вас, многие воюют только за деньги, а это совсем другое. Уль-Хак впустил в страну всяких бандитов, и они расположились теперь на наших землях, бесчинствуют. Они говорят, что они правоверные мусульмане, а мы – бидаатчики и мунафики, лицемеры и отступники. Я ушел в Афганистан со своих родных мест и теперь веду вас, шурави, потому что знаю: Мулло Молад – в числе тех, кто толкнул наш народ на войну, а потом оправдал то, что сделали с афридиями, и приказал сражаться до последнего с вами – вместо того чтобы встать против нечестивой, ненавистой Аллашу власти в Исламабаде. Я верю в Аллаха, шурави, и верю в его всемогущество. Даже рукой кяфира может управлять Аллах.

– А почему ты сам не убил этого Молада? – в лоб спросил один из шурави.

Юнус поцокал языком:

– Не так просто это сделать. Я не трус, шурави, но Молад, каким бы негодяем он ни был, – он один из нас, пуштун. И он правоверный, даже в Египте учился... Если пуштуны начнут убивать друг друга – будет бойня... если мусульма-

нин поднимет руку на мусульманина – Аллах накажет. Мой иман мне дорог, я стараюсь не совершать грехов. Лучше, если это сделаете вы.

Логика, конечно, абсолютная...

Ростовская область Пограничная зона, граница с Украиной 19 сентября 2000 года

Границы – как таковой – тут и не было никогда. Степь... жухлая, вялая трава, темные горы терриконов, старые, уже поросшие деревьями и травой, небольшие речки. Небольшие деревеньки – из некоторых для перехода границы достаточно выйти за околицу. Низкие бедные беленые хаты, сачочки, палисадники. Звонящая тишина.

«Террано» порывивал мотором, шел бодро – он так-то ничего джип, лишней дури нет, но ходкий. И по грязи неплохо ездит, в основном за счет того, что он легкий и перед неперегруженный, как у того же широкого...

– Чо, может, ночи подождем?

– А ты не торопишься?

– Да нет... просто. Не по себе типа...

Мне и в самом деле было не по себе, и я знал почему. Граница – это слово вызывало у меня вполне определенные ассоциации. Мулло Молада нельзя было поймать на нашей стороне, он был очень осторожен. Меня и Дона отправили на ту сторону границы, где боевики теряли бдительность, –

и мы выследили его и прихлопнули. Во время митинга в одном из лагерей подготовки, а потом начали отходить, преследуемые разъяренными боевиками и пакистанскими горными командос, которые контролировали границу в этих местах. Советское правительство не признало бы нас, если бы мы попались, для всех мы дезертировали. И было мне тогда двадцать, а Дону девятнадцать лет. Тридцать девять лет на двоих...

– Нормально всё. Тут недавно погранцы с трактором ездили, дороги перепахивали, так мы мостки сделали.

– Мостки? Они джип-то выдержат?

– Они «КамАЗ» выдержат...

Проблема в том, что «КамАЗ» – чужой, а джип – мой, собственный. Но рискнем и поверим...

– Тебе сколько лет?

– Пятнадцать, а чо?

– Ничего. Перестань говорить «А чо». Поверь – не красит...

Мостки оказались знатными – из мощного стального прутка. Я настелил поверх глубокой борозды сначала одну колею, затем, примерившись, другую. Затем девчонка встала на другой стороне дороги, командовать, а я осторожненько переправил джип. И снова сбросил с дороги мостки.

Поднимая пыль, я с ветерком довез ее до ближайшего села. Оно было точно таким же, как и на той стороне, – с бе-

леными хатами, старыми «Москвичами» под окном, брехливыми собаками и нищетой. Только деньги тут гривны, а водка – горилка. Я подвез моего харона до магазина, дал требуемую сумму. Потом набросил сверху сто долларов.

– А это зачем?

– Купи себе нормальную одежду. И иди учиться. Не оставайся здесь. Не надо.

Она хотела что-то сказать, но не сказала. Захлопнула дверь – и я газанул, уходя обратно на дорогу. Теперь уже украинскую дорогу.

Я заехал со стороны Старобешеве. Смотрел по сторонам. «ТТ» при себе, если что – сорвусь и уйду на скорости, а там вооружусь. Заодно останавливался и смотрел, где есть мобильная связь. У нас в Ростове она уже приличная, в городе сплошное покрытие, а вот здесь с этим хуже. Но по моим прикидкам, у трассы должна быть.

Найдя место, я оставил машину. Так, чтобы и не видно особо, и в то же время почти на дороге, чуть что – сорвался и ушел. Полез под машину, весь перепачкался, переругался, но достал оружие и положил в багажник. Винтовку собрал. Набрал по мобиле Дона, тот не сразу, но откликнулся.

– Аллё, братан.

– Ну ты чё, где? Я тебя жду.

– Ты на колесах?

– Ага. Только не на своих.

– Двигаться можешь?

– Пока да. Ты чё, братан?

– Давай так. Гони на Донецк обратно – по трассе через Старобешеву. Я тебя увижу и тут же отзвонюсь. Тачка какая?

– Брат, ты чё, не доверяешь?

– Брат, я сам себе не доверяю. Поверь, так лучше будет. Отзвони, как проедешь Старобешеву. Тачка какая?

– «Девяносто девятая». Серая.

– Хоп. Жду.

– Хоп. До связи.

Хоп – это словечко пошло из Ташкента. Ташкент – основные ворота Союза в афганский кошмар. Город, через который прошли почти все...

Подумал, достал винтовку, патроны. Не то что я не доверяю Дону, просто тут проблемы. Если его преследуют, я это увижу. И те, кто преследует, вряд ли ожидают нарваться на опытного снайпера...

Стрелять мне приходилось. И на войне, и здесь. Как говорил Чапай, убийство превращается в дело чисто механическое. Вопреки детективам в криминальном мире очень мало профессионалов, большинство – тупое бычье, которому дали в руки дешёвое ружье или автомат и которое поливает направо-налево или расстреливает из засады машину. Мне приходилось убивать на разборках, и мне приходилось убивать врагов, сама возможность того, что я могу убрать сам, не нанимая исполнителей, давала мне уважение в темном,

сумрачном и грязном блатном мире. Но я никогда не переходил грань – хотя сам ее мог определить с трудом. Например, мне не раз предлагали стать профессиональным киллером, говорили, что у меня талант, подобно Саше Македонскому. Но слава Македонского меня ничуть не прельщала, и я всегда отказывал – в том числе и тем людям, отказывать которым было опасно для жизни. Македонский есть Македонский. А я есть я.

Что я буду делать теперь? Не знаю, я вроде как мирный теперь. Засажу в двигатель, а там посмотрим...

Съехал с дороги, выбрал позицию. На возвышенности, место красивое – лесок, недалеко – прихотливые изгибы речки Кальмиус, дальше на горизонте видны Старобешевская ТЭЦ и терриконы. Терриконы тут повсюду.

Заглушил движок, собрал винтовку и перебрался назад. Машины идут по трассе – «КамАЗов» много. Фуры и углевозы. Тут угольком живут, его же и на нашу сторону толкают – ворованный. На угле здесь многое держится, особенно после того, как у нас в Ростовской области стали потихоньку шахты закрывать...

Ага... а вот и Десантник.

Я набрал номе:

– Съезжай с трассы направо...

Братан Десантник и в самом деле был на серой «девятке», и мне почему-то сразу стало понятно, что машина не его.

Пока он поднимался по проселочной дороге к тому месту, на котором стоял мой джип, я через прицел рассмотрел, что в салоне, кроме него, никого нет... если лежат только. И за ним никто с трассы не свернул.

Видимо, заметив торчащий из «Террано» ствол винтовки, он резко тормознулся прямо посреди дороги. Я поставил винтовку на предохранитель и вышел из машины.

Дон за то время, пока мы не виделись, закабанел, но не слишком, на лице кое-где уже виднелась сеточка капилляров – значит, злоупотребляет. Это плохо. Он криво усмехнулся, увидев в моих руках винтовку. У него у самого было помповое ружье, типичное братковское оружие.

– Дай гляну. Импорт, что ли?

– Нечего тут смотреть. «Беркут», наше. Чо за движения у тебя?

– Да не, ничо. Валить надо.

– Валить? Давай валить будем...

– Подожди. Еще один чел подъедет.

– Кто?

– Мое дело. У тебя лавешки на трубе есть? Дай...

Я протянул телефон, Дон скривился:

– Чо, на «Нокию» денег нет?

– Не устраивает, давай обратно.

– Да ладно, пошутил... чо ты такой резкий...

– Беркут...

– Чего смешного?

– Да ниче. У нас тут спецназ называется Беркут.

– Это ты от них шугаешься?

– Я от всех шугаюсь.

Десантник набрал номер, коротко переговорил и сбросил. Как я понял, разговор был с женщиной. Он просил ее приехать, и, судя по всему, она была не одна, а с ребенком. Я не вмешивался.

– Фу...

– Приедет?

– Должна.

– А чё с нагрузкой взял?

– Ща как двину!

– Ладно, ладно. Как хоть... нормальная? Такая... – я показал.

– Еще какая. Оля зовут.

– А ребенок? Твой?

– Не... да и какая разница? Отец не тот, кто родил, а тот, кто воспитал.

– Оно так...

Про себя я подумал, что если мы и можем какое-то воспитание дать ребенку – то оно явно не будет образцовым...

– Давай, колись. Во что вляпался?

– А тебе не один ли...?

– Не один, Дон, не один. Я тебя из г... вытаскиваю. Имею право знать.

– Какой я Дон? Я Десантник. Братан Десантник...

– Был бы ты Десантником, летел бы ты...

Жека посмотрел на меня, скривился, сплюнул:

– Лучше тебе вообще этого не знать... да ладно. Фамилию такую слышал – Горчеладзе?

– Нет.

Так я впервые услышал о журналисте Георгии Горчеладзе. Он к тому времени уже пропал без вести, и в Киеве только начинал разгораться скандал, но я про это совершенно ничего не знал. Телевизор я смотрел время от времени – да в России на это и не обратили особого внимания. Пропал журналист и пропал. Найдется...

Никто тогда не мог предположить, чем это все кончится...

– Журик один из Киева. Знаешь, такой... с шилом в одном месте. Рыжего нашего клевал. А теперь пропал с концами, в Киеве буча поднимается.

– Не въехал. А ты-то к этому каким боком? Ты, что ли, его?

– Да не... Ты знаешь, какие у нас правила. Накосячил, отработай или заплати штраф. Вот я зимой накосячил, конкретно. Три фуры с бухлом потерял. Мне сказали: чтобы братва не имела к тебе никаких претензий – отработай. Отправь бригаду в Одессу, там надо с одним ресторатором разобраться, борзым шибко. Я еще прифигел – а зачем для этого с Донбасса бригаду отправлять? Но отправил. Они там, блин, с местными работали – короче, устроили пальбу в ресторане, грохнули человека. Я потом им сам вдул по самые

помидоры, насчет мокрухи уговора не было. Побить, поджечь – это одно, а мокрое на себя вешать – совсем другое, ты это понимаешь, да...

Я кивнул:

– А этот... Гиви тут при чем?

– Да при том! Я про это и думать забыл – а тут вызывает меня один опер знакомый, ну, туда-сюда там – говорит, ты в курсе, что за тобой группа из Киева едет? Я говорю – нет, а в чем дело? Говорят, тебя на дело Горчеладзе примеряют, по тебе запрос и по линии МВД, и по линии СБУ пришел. Я прозвонил кое-кого в Киеве – и ноги.

– Так и не понял?

– По той стрельбе в баре. Там, кажется, Горчеладзе этот был. В баре. А теперь он пропал.

– И опять не понимаю. Ну, ладно, стреляли. Он же потерпевший, получается.

– Да какой он терпила... короче, решил я валить. И вовремя. Я только что челу звонил – ищут...

– Со своей мобилы звонил?

– Да, да, не менжуйся, норм все.

Но я так не думал. Я осмотрелся и увидел стожок сена. О – самое оно...

– Пошли.

– Куда?

– Куд-куда. На кудыкину гору. Шурави – контроль шчас устроим.

Автомобиль Оли появился примерно через два часа. Белая «Нива».

Уже темнело...

Не доезжая до «девятки», «Нива» резко тормознулась, и с нее десантировались двое гавриков, один с пассажирского, второй сзади, с багажника. Блатные – куртки и штаны «с полосками», хотя могут и маскироваться. Ни слова не говоря, не пытаясь ни в чем разобраться – открыли огонь. Горохом рассыпался треск «калашников», гулко бухало ружье, стрелок вел беглый огонь по «девятке» с силуэтом внутри...

Мне это хорошо было видно, потому что я залег справа и отлично видел все. Дождавшись, пока опорожнят магазины и пойдут к зияющей дырами машине, я отправил в страну доброй охоты обоих, одного за другим. Водила мог быть умным или глупым, он мог газануть, а мог выйти и посмотреть, но он все равно был уже мертвым. Он оказался глупым – выскочил, и тут же я свалил и его...

Всё? Или на дороге еще есть?

Нет. Похоже, всё. Пальбу на дороге, может, и слышали, но останавливаться вряд ли будут. Желающих лезть в дела братвы нету.

Я справа и Дон слева подобрались к машине. Я посмотрел: «Нива» как «Нива», только сзади заднее сиденье снято, и там грязеища – значит, ворованный уголь в мешках возили. Эти трое – похоже, исполнители не слишком высокого ран-

га. Один «АКМ» с отпиленным прикладом, у водилы короткий ментовский «калаш» и ружье – странное, я пошевелил ногой. Похоже на «Итаку».

Дон перевернул одного ногой, со злобой пнул.

– Знаешь его?

– Не...

Я посмотрел в сторону «девятки». Она дымилась и вот-вот могла вспыхнуть. На Доне было мое старое камуфлю, которое я в машине вожу на всякий случай, если ремонтировать в дороге придется или в гараже что-то делать. Больше у него одежды не было – в его одежду мы набили сена и оставили в машине. Примитивная ловушка, но они попались...

– Точно не знаешь, кто это? – мне почему-то казалось, что Дон врет. История какая-то... левая... журналист какой-то, стрельба. Если бы он сказал, что его на счетчик поставили или за ту стрельбу в ресторане менты прессуют – я бы поверил. Но с журналистом... левак какой-то. Мутная история...

Дон смотрел на дорогу.

– Не приедет она. Приняли ее.

– Поджечь? – спросил Дон, словно меня не слыша.

– Нет. Огонь увидят. Давай затолкаем жмуров в «девятку» и спихнем в Кальмиус. Тогда у нас будет время, чтобы уйти.

Дон посмотрел на меня. Между нами была «Нива», а под ногами – люди, которых мы убили.

– А ты не меняешься... бача.

– Нет, – я тоже посмотрел на Дона зло и прямо, – я изменился. И ты тоже. Мне не подают руки в Союзе. Как думаешь, почему?

Украина

Донецкая область

19 сентября 2000 года

Машину с трупами мы спихнули в Кальмиус, опустив стекла – чтобы затонула побыстрее. В реке эта машина не первая и не последняя. Вбитые Афганистаном правила подсказывали, что нельзя бросать исправное транспортное средство, и мы забрали «Ниву» – она совсем не была повреждена. Поэтому Дон гнал на «Ниве» впереди, а я – на «Террано» немного поотстав. Если все будет путем, то перед самой границей бросим. Если по любым причинам все путем не будет, еще одна машина давала нам куда больше шансов. Оба автомата были у Дона в машине, от ружья он забрал только патроны. Сказал, что само ружье – дерьмо...

Мы уже были у самой границы, как вдруг Дон съехал на обочину и тормознулся. Я остановился чуть впереди. Подошел к машине:

- Сломался?
- Не... – Глаза Дона лихорадочно блестели. – Давай назад сгоняем, а?
- Ты в уме? Куда?
- Ольгу заберу.
- Они послали киллеров. Ее или приняли, или уже утопи-

ли, или она подставная, на них работает.

– Садык... – он второй раз назвал меня моим армейским псевдонимом, – братан, у тебя любовь есть?

Еще год назад я знал бы что отвечать. Сейчас – нет.

– Не знаю, брат. Есть, наверное...

– И у меня есть. Оля... мне без нее свет не мил, понимаешь... А ее Сашка – мне как родной, понимаешь, да?..

– Тебе бы романы писать.

– Да что ты понимаешь...

Я задумался. Конечно... глупость делаем. Но...

– Вить, вот что мы за собой оставим, ты думал?

– Знаешь, как говорят: ты бабай, и я бабай, и ты мозги мне не сношай. Поедем. Только сделаем всё по-моему, о'кей?

– Да как желаешь.

– План рисуй, где живет. Ее двора и окрестных...

Город, в который мы ехали, был типичным шахтерским городком. Серые обшарпанные пятиэтажки, въевшаяся повсюду угольная пыль, разбитые дороги. Освещенный, сваренный на хоздворе местной шахты ларек с немудреным набором атрибутов «красивой жизни», включающей в себя вьетнамские гондоны, шоколадки «Сникерс» и набор бухла, из которого выделялись портвейн «Слынчев Бряг» и местная «Шахтерская особая». А моя чуйка вовсю кричала о беде.

Например, что делает у ларька вон та телка? Пацана рядом нет, одета невоздержанно, как на промысел. Работает ба-

рышня? Тогда почему здесь, не на трассе? Почему одна – работающие барышни обычно группками стоят.

Я посмотрел на часы. Час до рассвета.

Дон мигнул, как было оговорено, фарами, укатил вперед, а я свернул с трассы и пошел по дворам, пытаюсь одновременно вести машину, читать нарисованную на обрывке бумаги карту и проклиная Дона с его не кстати проявившейся любовью...

Если бы не Наташка, врезал бы я Дону по морде, ох врезал бы.

Четырехэтажка была серой, обшарпанной. Сбоку спуск в подвал, там какой-то магазин, на ночь, естественно, закрытый. Прежде чем я сообразил, что делать дальше (хорошо, что свет в салоне не включил!), сзади высветило дальним светом фар. В «Террано» подголовники высокие, света в салоне не было, не видели они меня. И – мимо на скорости проскочили. Две машины. Завернули за угол – как раз туда, к дому, где живет пассия Дона.

Я замычал... от злости, от злости на Дона, на себя. Во что втравил меня мой сослуживец! Но и не отдать долг я не мог. Должен я ему. Одну жизнь...

Всего одну.

Гранат к подствольнику у меня было три. Одну из них я вставил в подствольник, набросил лифчик и затянул. За спину кинул винтовку. Ничего... на крайняк по ногам отработаю – и на прорыв. Если получится.

Баба с ребенком, мать их!

Упал на углу – больно ударился локтями. Там было не две машины, а три – в подъезд уже заходили. Я прикинул расстояние – нормально, пойдет. Из подствола ближе двадцати пяти стрелять нельзя: там, в гранате, специальный предохранитель, он сразу не взводится. Из подствола выбить одну тачку, очередь во вторую, потом – по ногам, веером. Магазин пулеметный, на сорок пять – должно хватить. Потом – по обстановке.

Темнота, блин. Темнота – темнее всего перед рассветом...

В темном, неосвещенном подъезде я увидел проблеск, услышал пистолетные выстрелы. Узнаваемо бухнуло ружье – и зачастил автомат.

Как обожгло: они его живым брать не собираются. Гады.

Наведя автомат на крайнюю машину, я выстрелил из подствольника. Граната разорвалась на задней стойке машины... блеклая вспышка, разрывающая ночь, мат и крики. Несмотря на внешнюю неэффектность, «ВОГ» бьет только так – осколков много, и они очень поганые, не убьют, но изранят так, что...

Закрепляя успех, я ударил длинной автоматной очередью по подъезду и по всему, что рядом. Видно было хреново, но результат был – не могло его не быть...

В ответ ударили по мне, из пистолетов и одного автомата. Вспышки автомата были хорошо видны, я положил там несколько и противника загасил.

Перестрелка в подъезде тоже продолжалась.

Я примерно прикинул, где мог быть Дон, перезарядил подствольник и положил гранату этажом ниже, на межэтажную площадку. Полыхнуло и там.

Взвыли сирены...

Перезарядив и дав веером еще одну очередь, я побежал к машине, не оглядываясь. Вести бой со всей местной милицией мне не в жилу. Если Дон жив, то, отступив, я потом смогу помочь ему. Нет – положат обоих.

А если тачка не заведется – мне хана.

Но «Террано» завелся, забурчал мотором. Я вдавил газ и рванул... машина подпрыгнула на поребрике, но удержалась и рванула в степь, давя чьи-то огороды... как обычно бывало в шахтерских городках – пяти- и даже девятиэтажки стояли на окраинах, а за ними была степь. Сзади хлестнули выстрелы, снова слышались сирены, но я знал, что ушел.

И что мой брат остался там. Как и мой долг ему теперь навечно будет со мной.

Суки!

Год спустя

Россия, Ростовская область

18 ноября 2001 года

Жизнь...

Обычно мы ее не замечаем, она вокруг нас, как воздух, которым мы дышим, как теплая вода, в которую мы входим. И только когда мы ставим свою жизнь на карту – мы начинаем ее ценить. Ценить по-настоящему то, что у нас есть. Даже то, что казалось нам скучным и пустым, но было нашим...

С Наташкой мы помирились.

С Украины я вышел спустя двенадцать суток после той перестрелки. Меня искали. В том числе и с вертолетами, я регулярно слышал, как над степью пролетали вертолеты. Но не нашли. Как и тогда, в Хосте. В восемьдесят восьмом...

Машину я оставил в заброшенном здании какого-то шахтоуправления – с машиной было не выйти. Остаток ночи я шел по степи. На день залег, а потом нашел старую, видимо, заброшенную шахту. Спрятался там и залег. И лежал там девять дней, выжидая, пока поиски пойдут на спад, а с границы снимут маневренные группы и посты, которые там есть. Все равно искать вечно они не будут – подумают, что ушел.

Опознали ли меня? Трудно сказать. Даже если найдут машину, она ничего не даст – она не моя, я по генеральной до-

веренности езжу. Наводить справки в Ростове... пусть наводят, это моя земля. Да и что-то подсказывало мне – не будут они поднимать шумиху. Невыгодно это – прежде всего им самим.

Стволы тоже ни к чему не привязаны. Следов я нигде не должен был оставить. Так что – всё? Или нет?

На двенадцатый день я перебрался через границу – голодный, грязный, заросший, отравившийся водой из ручья – наизнанку выворачивало, сам не знаю, что там в этом ручье было, какая гадость. Как-то привыкаешь доверять ручьям. В степи я спрятал оружие, запомнил где. Потом набрел на деревню и у колодца привел себя в более-менее божеский вид. Пехом дошагал до трассы и тормознул дальнобойщика – он, конечно, не постремался брать такого бомжика, как я, но у меня были доллары, и они его убедили. «КамАЗ» с дальнобоем Арутом за рулем домчал меня до Ростова, а там уже было все моё...

Дома я нарвался на несколько пощечин и часовую истерику. Но бывало и не такое. Помирились, короче.

А недавно Наташка мне сообщила, что у нас будет ребенок.

Эта новость ударила меня по башке, и ударила капитально. Я вдруг понял, что мог бы и не узнать об этом ребенке, и никогда не увидеть его. Мой ребенок так и рос бы без отца в поселке городского типа под Ростовом.

Кем бы он вырос? Не знаю. Кем угодно мог вырасти. Без

меня. Без отца.

И я дал себе зарок – полностью выйти из движения. Хватит с меня. Всё.

Хватит...

Это не для меня.

Чем займусь? А вот землей и займусь. Сыр буду делать и хлеб печь. И кирпичи делать, а потом, может, и стройку сами будем делать. А остальное – всё. Амба.

Но увы... Зарок этот продержался очень и очень недолго...

В тот день все было, как обычно. Я поехал в Ростов закончить кое-какие дела, заодно я хотел закупить новое оборудование для молочного цеха... то, что было, осталось еще с советских времен, в цех ничего не вкладывали, а только выжимали все, что могли. Нормальный человек с видением, купец, ведет себя не так.

Купец.

У нас был братан, которого так кликали, но это потому, что у него фамилия была Купчинский. Вот купец. А я собираюсь стать настоящим купцом. И хрен мне кто в этом помешает...

Хрен.

Переговоры прошли нормально, я получил деньги в одном месте и отдал их в другом – скоро привезут, будем ставить. Из Ростова я махнул обратно, попутно слушая подвес-

ку своей «семерки» «БМВ»... Нет, так не пойдет, надо что-то другое брать... хоть «Ниву» ту же. Или еще раз идти на Украину, перегонять «Ниссан». Если его там не угнали или на запчасти не пустили. Но стремно. Может, зимой.

Не знаю... И денег жаль на машину тратить. Раньше ни на что не было жаль – ни на кабак, ни на тачку, ни на шалаву. А теперь жаль.

Теперь я семейный человек.

В поселке я проехал сначала в контору, узнал, как идут дела, и подписал скопившиеся документы. Потом отправился к Наташке, заодно подбирая очередные аргументы, чтобы заставить ее переехать в Ростов. Те, которые я подобрал крайний раз, казались железобетонными: в Ростове хорошие врачи, женская консультация, ребенку будет лучше. Но закончилось очередным скандалом. Она вообще странная в этом вопросе... как только у нее не хватает аргументов, она забивается в большое кресло, поджимает ноги, замыкается и упрямо молчит. Не знаю, что делать. Просто не знаю. Еще и теща потенциальная сильно мне не понравилась. Глядя на супруга-подкаблучника рядом, выводы я сделал: от семьи Наташку надо отсекать. Не дай бог, такой же станет...

Раздолбанный советский замок (я не ставил приличную дверь, потому что обустриваться тут бесполезно, валить надо из этой квартиры) привычно хрустнул под ключом, я прошел в полутемную, тесную прихожую, включил свет и...

И понял, что дома никого нет.

Я прошел на кухню, пощупал плиту. Едва теплая. Ничего не приготовлено – Наташка кормила меня домашним, вкуса которого я не помнил больше десяти лет. Странно все это...

В школе? Ну да, могла, конечно, задержаться. Еще один ее бзик – она не хотела уходить из школы, намеревалась работать до тех пор, пока это будет возможно...

Телефона не было – смех и грех, но тут до сих пор не телефонизировано. Я выключил свет, забрал ключи...

– Витя...

Тетя Вера, соседка напротив, открывала дверь.

– Здравствуйте, – машинально сказал я, думая, как повежливее отделаться от настырной старушки. Каждый раз, когда она видела нас с Натальей, она спрашивала, когда свадьба.

– Теть Вер, спешу я...

– Витя... боялась тебя не застать... Наташу «Скорая» увезла.

– То есть? – не понял я.

– «Скорая» приезжала, ее в больницу повезли...

– Что с ней?!

– Я видела... она своими ногами шла. Хорошо, что приехала, а то случись чего, «Скорую» и не дозовешься...

– Липчинская Наталья Валерьевна. Посмотрите еще раз... – я с трудом сдерживался от того, чтобы не разгромить всю убогую стойку информации местной больницы и не прибить эту толстую тетку с несходящимися полами белого ха-

лата...

– Говорю же... нет такой...

Не говоря ни слова, я направился дальше по коридору.

– Молодой человек... – пролетело сзади в спину.

Да пошла ты!

Зашел в кабинет главврача – ею оказалась пожилая женщина. Бросил на стол сотку – сто долларов.

– Липчинская Наталья Валерьевна. Должны были на «Скорой» привезти.

Надо сказать, главврач сразу сняла трубку, позвонила. Строго посмотрела на меня...

– У нас со «Скорой» за последние сутки никто не поступал...

Твою мать!

– Да не переживайте так. Может, ее в Ростов повезли. А деньги заберите...

Как вспышка в голове – Ростов. Да, Ростов. Там у меня все подвязки, и в областной тоже. Сам там лечился пару раз. Если она в Ростове...

– Спасибо!

– Деньги заберите.

Не слушая, я уже бежал по коридору. Ссыпался вниз по уродливым каменным ступеням. На бегу достал сигналку – «БМВ» приветливо моргнул фарами. Ростов... да, Ростов.

– Виталий Павлович...

Я так и не понял, откуда взялся этот хрен. Короткий,

на голову ниже меня, даже больше, коренастый. Короткая стрижка. Явно не братан, но кто – непонятно. Он был у двери машины, когда я уже намеревался захлопнуть ее и рвануть на ростовскую трассу.

– Чо надо? Отвали.

– Разговор есть.

– Отвали, сказал.

Он удержал дверь, не дал закрыть, но это меня не насторожило. Голова у меня в тот момент совсем о другом думала.

– Виталий Павлович...

– Тебе чо надо? Беды ищешь?

– Вы ведь Наталью Валерьевну ищите? Липчинскую Наталью Валерьевну.

– Чего?

– Не надо ее искать. Она у нас.

Я выбрался из машины:

– Что значит – у нас?

– У нас – значит у нас. И останется у нас, пока мы не договоримся...

Я никогда не был силен в рукопашке, честно. Когда нас готовили, то часто повторяли: лучший прием в бою – это автомат Калашникова. В Афгане за редким исключением рукопашек не было вообще. В учебке на физо нас дрючили кроссами – при сорокаградусной жаре в гору и обратно. Скалолазанием – тоже с рюкзаками. Инструктор по физо – кстати, инструктором у нас был зэк, его посадили за преподава-

ние карате и тут же отправили в спецназ инструктором по рукопашке – этот человек понимал, что готовит «мясо». Он выделил несколько учеников и занимался с ними отдельно, я в эту группу не попал. Нам же он дал несколько связок, которые мы и отрабатывали до посинения. Как он сам сказал: лучше десять приемов, но отработанных до автоматизма, чем сто, но на теоретическом уровне.

Но все-таки я был на голову выше. И как минимум на десять кило тяжелее. Потому я так и не понял, как оказался на коленях, выхаркивая слизь на подернутый первым ледком асфальт...

А этот урод стоял передо мной и говорил... слова долетали до меня со звенящих высот, как будто это были слова Бога.

– Что же это вы, Виталий Павлович. С кулаками сразу. Мы ведь теперь друзья с вами. Лучшие. Братья почти что...

– Пошел на... – выхаркнул я с очередной порцией желчи, – брат...

Руководителем Ростовского отделения Российского союза ветеранов Афганистана был полковник Иван Александрович Разумовский. Он хорошо знал меня, так как служил в Афганистане в составе оперативной группы «Экран» – штаба, специально созданного в рамках сороковой армии для координации действий советских сил специального назначения. Ничего подобного не было в Чечне, и, возможно, поэтому

мы проиграли. Разогнали, кстати, и сороковую армию после вывода – мощнейшее, обкатанное войной армейское соединение, на основе которого можно было сделать что-то вроде сил быстрого реагирования и вместе со Внутренними войсками втоптать в землю всю ту шпану, которая барагозила от Литвы и до Карабаха. Поверьте – только вякнули бы...

После вывода полковника Разумовского тихо убрали из армии – потом пришлось призывать, но было уже поздно. В девяносто пятом в Чечне уже поздно было что-то решать – напороли косяков. Потом опять из армии убрали, сунули райвоенкомом. За-ши-бись...

У военкомата я и нашел его. Пригласил в машину, он отказался, пригласил к себе в кабинет в скромном трехэтажном панельном здании. Там под стакан водки я и вывалил ему всё. Все, что случилось...

– Дона помню... – сказал полковник, грызя сухарь, – он ведь твой напарник был по побегу, верно? Побегушники...

– Верно...

Пройти на ту сторону через кишасшие душманами горы и перевалы было невозможно. Абсолютно каждый пастух или крестьянин были информаторами душманов. Сойти за контрабандистов или душманов тоже было почти невозможно, там многих знали в лицо, а если не узнают – начнут задавать вопросы, проколешься на мелочи – заживо кожу снимут. Поэтому придумали легенду. Двое призывников сбежали из части. Их поймали, продали торговцу, и теперь он го-

нит их на родину как рабов. Или продать. Все правильно. С той стороны, в Пешаваре, сидели американские инструкторы, и за каждого «бегунка» платили вполне конкретные деньги, потому что его можно было показать по ТВ как пример того, что из Советской Армии бегут солдаты. Так что души таких зайчиков-побегайчиков, особенно на границе, брали с собой, чтобы выгодно продать в лагерях, а вся та хрень про то, что кастрируют, обычно представляла собой пугалки замполитов. Хотя повторяюсь: было по-всякому – одно дело, наткнуться на отряд Хекматъяра или Раббани, которые по ту сторону границы плотно с американцами контактят, и совсем другое – попасть в руки какого-нибудь афганского крестьянина, у которого под бомбами семья погибла. Понимаете, да, разницу...

Именно поэтому на задание отправили нас. Тридцать девять лет на двоих...

– Жив он?

Я отрицательно покачал головой:

– Погиб.

О судьбе Дона я узнал из украинских газет – заказал из Донецка газеты, вот контрабандой и привезли. В газетах напечатали обычную заметку, что милиция обложила бандита, тот открыл огонь. Погибли трое сотрудников милиции, а также известный бандит. В статье ничего не говорилось ни о жене и детях, ни о том, что бандит – награжденный воин-интернационалист, выполнявший воинский долг в Афганиста-

не. Страны, которой мы служили, больше не было. И наша служба никого не интересовала.

Ни-ко-го.

– Помянем.

Снова разлили. Выпили. Молча.

– Что произошло-то? Он говорил?

– Мутная история. Какой-то журналист там...

– Какой журналист?

– Не знаю.

Я даже не помнил фамилии того журналиста.

– А этот... он кто такой?

– А хрен его знает... – от водки я расслабился, – не бандит и не мент. Не знаю, кто он такой. Не зна-ю.

– А дальше – как?

– Мне-то деваться некуда. Но мне прикрытия нужно.

– Прикрытие?

– Оно самое.

Молчание было красноречивее всяких слов.

– Иван Александрович, я с делами завязал. Совсем. Клятву дал. Потому что Наташка беременна. Мне жить охота. И сына растить. Братва – людей я подпишу, а дальше что? Опять?

...

– Мне больше не к кому обратиться.

Разумовский налил только себе. Крякнул. Вынес приговор:

– Решать сам я не могу. Поговорю с пацанами, соберемся, тебя выслушают. Дальше – как решат. Всё!

Донецкий терминатор

Россия, Ростовская область

Пограничная зона

20 ноября 2001 года

Крайний дом в деревне прополз в окнах и пропал за бортом. Впереди была только раскисшая, разъезженная машинами дорога, кое-где подсыпанная щебнем. Поздняя осень на юге – это хмурое небо, грязь и слякоть, зимы тут почти и нет нормальной. Вчера был снег, но к утру он растаял. Осталась только грязь...

Машина была тоже марки «Ниссан», но «Патруль», крепкая, просторная и проходимая. Я бросил взгляд на лежащий на переднем пассажирском сиденье автомат, потом взял с покрытой волчьей шкурой приборки рацию.

– Девятка, Садык, прием, прием...

– Садык, слышу тебя, я – Девятый, прием.

– Прошел точку Асфальт. Иду далее, движения нет. Все штатно.

– Принял.

Ну вот и всё. Я точку невозврата перешагнул. Всё!

С той стороны границы – это было нелегальное пересече-

ние, дорога в степи – стоял внедорожник. «Опель Фронтера», пятидверный, темного цвета. Я остановился в нескольких десятках метров от него, внедорожник мигнул фарами. Потом, видя, что я не иду, из него выбрался тот, коренастый. Пошел в мою сторону.

– Виталий Павлович, ну что же вы... З прибуттям. Ласкаво просимо до нашей країны...

Я достал из машины автомат и выстрелил. Коренастый с криком рухнул на дорогу, в грязь, попытался достать пистолет – следующая пуля ударила рядом с головой, бросив в лицо мерзлую грязь дороги...

– Брось или умрешь! Отбрось!

Я подошел ближе, сам отбросил пистолет.

– Сука, ты что творишь?

– Алаверды, однако. Ползи, сука, до машины, пусть старший подъедет. С тобой я разговаривать не хочу. Всосал, падаль?

– Сука.

– Пошел. ползи. Гнида...

Надо сказать, что я его все-таки пожалел. Если бы в колено попал – быть ему хромым до конца жизни, а то и ногу бы отняли. А так – поживет еще, это не полевой госпиталь, вылечат, ногу резать не будут.

Минут через десять появились две машины. «Скорая» – битый-перебитый «уазик» и «Зил-131» армейский. Возмож-

но, «Скорая» как раз та, на которой увозили Наташку.

То, что я сделал, было риском, но риском рассчитанным. Я подозревал, что прямо сейчас по мне целится как минимум один снайпер. Вот только приказа на открытие огня он не получит. Нужен я им. Зачем – не знаю, но нужен. Потому проглотят они это. А я покажу, что со мной надо считаться.

Из кабины «ЗИЛа» – в кузове могло быть несколько стрелков – выбрался человек, одетый для промозглой погоды довольно легко – в летнюю форму. На голове у него было форменное кепи, на вид ему было за сорок и как бы не пятьдесят. Знаков различия никаких нет, по возрасту – от майора до полковника. Подполковник, скорее всего, так и буду его звать.

Из «Скорой» выбрались двое, явно не медбратья, начали помогать подстреленному мной в ногу контактеру. Подполковник пошел ко мне, когда оставалось шагов двадцать, я вскинул автомат:

– Стой! Дальше ни шагу!

– Не советую. За меня пристрелят.

Словно подтверждая это, четко щелкнул винтовочный выстрел, пуля ударила в насыпь, недалеко совсем, подняв фонтан земли. Ага, справа, часов на десять. Метров пятьсот до него. Но он уже труп, раз проявился...

Потому что с той стороны у меня семь снайперов. Семь. И все прошли Афган.

Я достал из кармана «эргэдэшку».

– Не успеют.

Подполковник посмотрел мне в глаза. И то, что он там увидел, заставило его остановиться и больше не идти.

– Интересный ты парень, – сказал он громко, – срочник и кавалер Красного Знамени. А если хорошо покопаться, то выявляются еще более удивительные вещи. Например, в конце восьмьдесят восьмого года двадцатилетний воин-интернационалист представлен к званию Героя Советского Союза, причем – по линии КГБ. И причем не посмертно, а живой. Дали тебе звезду? Не дали...

Не дали...

Я знал эту историю. Представление – и на меня и на Дона – действительно ушло по линии КГБ. Но в Президиуме рассмотрели и отклонили. Сказали, что, если живы остались, значит, звезды не полагается. Отделались орденами...

– Тебя, знаешь, как теперь называют?

...

– Донецкий терминатор, – подполковник усмехнулся, – как у вас там Солоник был. Курганский терминатор. А ты вот – Донецкий.

– По-моему, так не меня зовут. В газетах так зовут совсем другого человека.

– Верно. Зачем портить добрососедские отношения России и Украины? Тем более что есть трупешник, на который можно все спихнуть. На труп можно что угодно повесить. И три трупешника. И восемь. И одиннадцать. Сколько вы

вдвоем навалили. За свою недолгую гастроль.

Я лихорадочно соображал – в газете было про три трупа. А по факту – похоже, что восемь. Такие потери можно скрыть только в одном случае, если группа захвата была из другого региона. Ну да, проведут как потери на учениях или прочая хрень – если в своем регионе такая бойня, то скрыть ее будет невозможно, потому что родственники погибших молчать не будут. И еще три трупа – это те, которых мы расстреляли на берегу Кальмиуса и спихнули в воду. Значит, их тоже нашли...

Одиннадцать.

– Ну? Скажешь что?

– Группа захвата откуда была?

– Соображаешь. Из Киева. Прикинь, если им тебя назвать.

Где живешь, рассказать...

– А назови.

– Назвать?

– Назови, – грубо сказал я. – Только вот что мне скажите, мон колонель. Бабу с ребенком вы куда дели?

– Это какую бабу?

– Ольга ее звали. И сын – Сашка.

И по заминке подполковника я понял – куда.

Убили они их.

Убили и закопали.

– Не знаю никакой бабы.

Знаешь... знаешь, гад – кто бы ты ни был. Знаешь и пом-

нишь. Неприятно было убивать, но приказ ты выполнил. Крепко тебя, видимо, подцепили... не ряженный ты. Настоящий подполковник, я это вижу.

Ну, ничего. На том свете свидитесь – наговоритесь. Недолго вам всем осталось. Убью я вас всех...

– А я зачем нужен?

– А догадайся сам. Зачем нужен бывает снайпер?

Ну да. В общем-то, верно.

– Никого другого найти не смогли? Я-то вам зачем нужен?
У вас своих киллеров – полный двор.

– Свои не подойдут. Нужен ты. Зачем – наше дело.

– Наталья где?

– В надежном месте. Мы знаем, что она беременна, – быстро сказал подполковник. – Там, где она сейчас, есть врач и есть больничка. Все хорошо будет.

– Ничего хорошо уже не будет.

– Я закурю?

Я кивнул. Подполковник достал пачку и зажигалку. Я присмотрелся – «Варта». Украинские сигареты такие. Что же плохо-то так, подполковник? Измельчали что-то у вас на Украине тридцать сребреников...

– Ты одиннадцать человек убил, – тоном ниже заговорил он, – а до этого еще в Афгане сколько-то. И на разборках сколько, мы навели справки. Так что мне по мозгам ездить не надо. Волк ты. Хищник. И вкус крови не забыл.

– Это мое дело.

– Да, в принципе твоё. Нам тебя официально получить – нет проблем, ты в Украине причастен к убийствам. Грохнуть тебя – тоже нет проблем. Те, кого ты из подствольника пробивал, – это спецназ. Назвать им твое имя – и они тебя, что в Ростове, что где хочешь, достанут. Потому что в спецназе правило – один за всех. Не забыл?

– И все на одного. Не забыл.

– Еще шутишь. Короче – нам работу сделать надо. Сделаешь – обратно свою Наташу получишь и уезжай куда глаза глядят, мой тебе совет. Лучше в Аргентину.

...

– Но работу надо сделать. И ты ее сделаешь.

– А то что?

Подполковник молча смотрел на меня.

– Один вопрос. Вы понимаете, что я еще могу уйти? А вот тебя зачистят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.